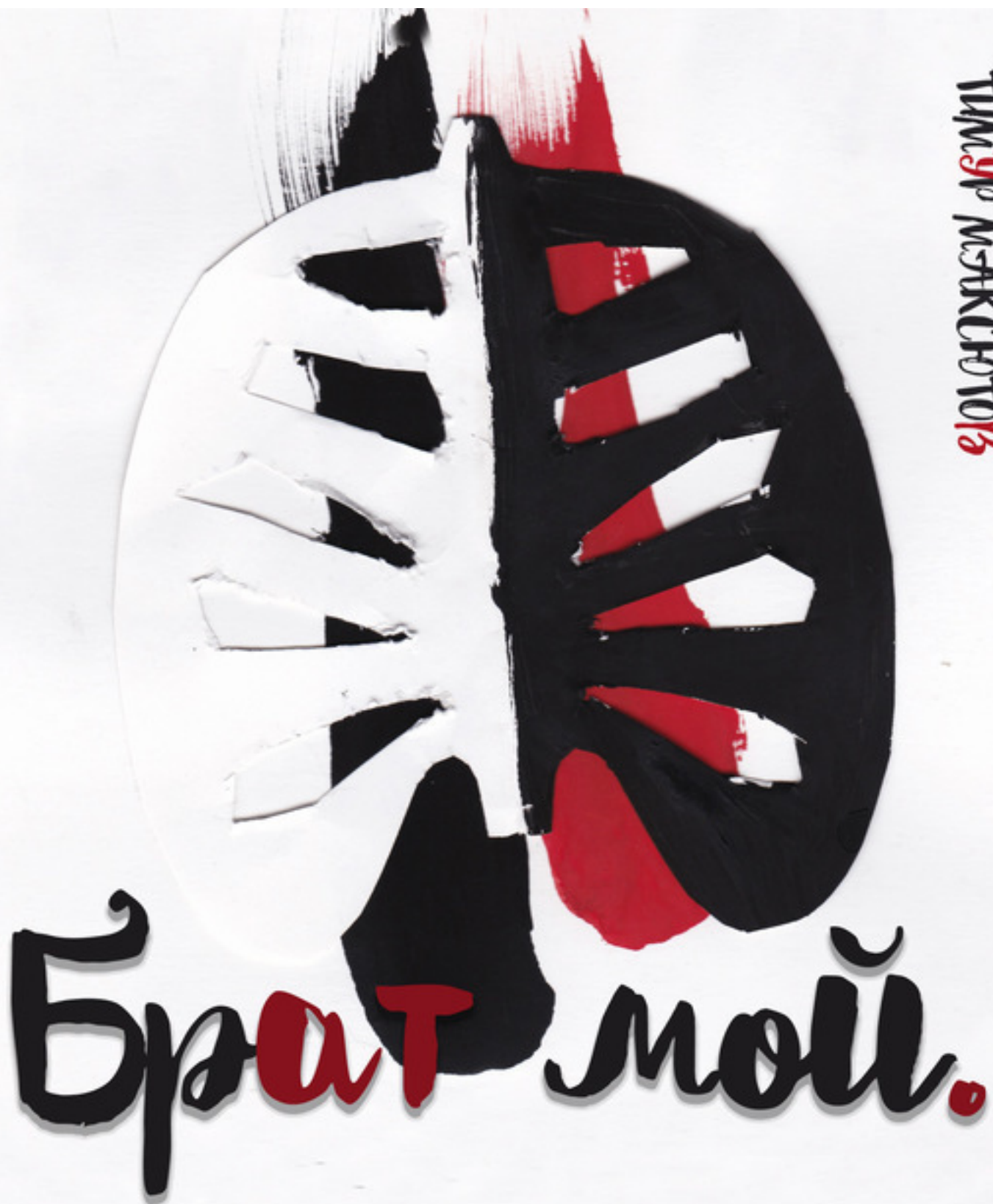

ТУМЫР МАКЧОТОВА

Тимур Максютов
Брат мой (сборник)

«Автор»

2015

Максютов Т. Я.

Брат мой (сборник) / Т. Я. Максютов — «Автор», 2015

Если вытащить из истории человечества войны, там не останется ничего. Тысячелетиями люди упражняли разум и тело, выдумывая и осваивая всё более изощрённые способы убийства братьев своих. Бронзу сменяло железо, война проникала всюду – в небо, под воду, в космос... Уходили в прошлое герои, привыкшие встречать врага глаза в глаза. Последние рыцари на полном скаку влетели в облако порохового дыма – и исчезли навсегда. Отец Маленького Принца сказал: «С того часа, как оружием стали самолёт и иприт, война сделалась просто бойней». Сказал – и не вернулся из боевого полёта. Пустоболы-блогеры поломали клавиатуры, споря о том, когда именно череда бесконечных конфликтов и гибридных войн вылилась в настоящую Третью мировую. Линии многочисленных фронтов быстро распались на отдельные язвы районов боевых действий. Через две тысячи лет после казни Спасителя человек подошёл к самому краю пропасти, затянутой кровавым туманом. Что он теперь ответит на вопрос: «Где Авель, брат твой?»

© Максютов Т. Я., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Об авторе	5
Авель, брат мой	6
Пигалица	22
Ветер с залива	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Тимур Максютлов Авель, брат мой

Об авторе

Тимур Максютлов родился в Ленинграде в 1965 году. Вырос в г. Таллин Эстонской ССР. Окончил специализированный физико-математический класс в числе лучших выпускников республики. По путёвке ЦК комсомола Эстонии в 1982 году был направлен в Свердловское высшее военно-политическое танково-артиллерийское училище, которое окончил в 1986 году с красным дипломом и золотой медалью. Добровольцем отправился в Забайкальский военный округ, служил в Монголии и под Борзей. В 1991 году уволился из Вооружённых Сил (звание капитана получил уже в запасе).

Работал преподавателем истории и обществоведения в школе, с 1992 года – в обработке цветных металлов. Дорос до директора торгового дома при заводе, с 2001 по 2005 год был директором завода по производству алюминиевых профилей. В настоящий момент возглавляет небольшую металлоторговую фирму.

С 2014 года – член Союза писателей Санкт-Петербурга. Сборник рассказов «Ограниченный контингент» вышел в издательстве «Астрель» в декабре 2013 года. Дипломант литературной премии «Рукопись года», Всероссийской литературной премии им. А. К. Толстого. Победитель Литературного конкурса «Я Родину люблю» в номинации «короткая проза».

Имеет государственные награды СССР, России и МНР.

Женат, имеет трёх дочерей и внуку. Увлекается военной историей, научной фантастикой, классическим туризмом, болеет за ФК «Зенит», играет в любительской команде «Что? Где? Когда?»

Авель, брат мой

Стандартный армейский монитор цвет передаёт плохо, поэтому ясное небо выглядело равномерно-серым, словно застиранная простыня. А поверхность – как неразборчивая бурая гряда.

Лёгкое движение джойстиком, и горизонт наклонился. Земля понеслась навстречу, разбухая деталями: причудливый речной изгиб, похожий на греческую «омегу»; окраина городских развалин, грозящих небу рыбьими костями проржавевших конструкций... И резко – белый круг на уцелевшей крыше. На этом неожиданном фоне – когда-то красный, а теперь неясного цвета крест.

Ракета ушла прямо в это напрашивающееся, дразнящее перекрестье, таща за собой дымный след. Облегчившийся дрон качнулся, задрал нос. Уплыла вниз, исчезла поверхность – но быстро вернулась: аппарат выровняла автоматика.

Сергей крутанул увеличение; в монитор полезли пятна, потом – какие-то фигурки, размахивающие руками.

– Группа пехоты противника, – механически проскрипел саппортер.

Ему, железяке, пофиг: всё, что движется на двух ногах, определяется как вражеская пехота.

Даже если это – стадо напуганных страусов. Но страусам тут взяться неоткуда, поэтому Серёге предлагалось немедленно открыть огонь.

Что-то внутри зануло, заскребло. Оператор мог поклясться, что не хотел этого, но палец утопил гашетку сам – монитор мелко задрожал от отдачи, к земле потянулась строчка трассеров, корёжа нелепые фигурки.

Изображение резко увеличилось, превосходя все мыслимые возможности оптики, и весь экран заполнили застывшие от ужаса глаза Танюшки, прижимающей к груди ребёнка.

Сергей кричал, крушил костяшками монитор, пульт, джойстик, перемалывая пластик в ошмётки, а собственные пальцы разбивая в кровь. Но изображение продолжало дрожать, и пулёмёт бил и бил прямо в лицо жены, опустошая бесконечную ленту...

– Цель уничтожена, – констатировал саппортер. – Ты чего орёшь, Кот?

* * *

Дневальный тряс за плечо:

– Ты чего орёшь, Кот? Вставай, у тебя смена через пятнадцать минут.

Оператор боевого дрона «Счастливый журавль» капрал Сергей Котков вскочил, сбросив казённое одеяло. Так посмотрел на разбудившего, что тот отшатнулся:

– Ну ты чё, Серый? Сам же велел поднять в пять сорок.

Котков кивнул. Натянул берцы, поплёлся в туалет. Долго плескал воняющей железом водой в воспалённое лицо. Отломал фильтр, прикурил обломок.

Дневальный заглянул, помялся:

– Слушай, Кот, а ты вправду «Дракона» завалил?

– Правда.

– Это же невозможно!

Сергей ухмыльнулся. Ударный беспилотник китайского производства «Счастливый журавль» не предназначен для воздушного маневренного боя, его задача – уничтожение наземных целей. Французский «Дракон» вдвое легче и служит для завоевания господства в воздухе. Котков показал, изображая бой руками:

– Я вот так шёл, вижу сигнал – противник в задней полусфере, нагоняет. Ну, дрона на «кобру» поставил, французика пропустил вперёд, и вдогонку засадил.

Парнишка восхищённо покрутил головой:

– Мастер! А как в авиацию попал?

– До войны, школьником ещё, в игрушку рубился, во «Властелина небес», – пояснил Сергей, – ночи напролёт. Потом на уроках отсыпался. И на лекциях, но это уже в институте.

– Так и думал! – обрадовался дневальный. – Я ведь тоже на «Властелине» зависал! В клане «Голубые крысы». А какой у тебя ник?

– «Кот».

– Да ты же легендой был! Я тебя помню. Один раз даже пересеклись, ровно четыре секунды против тебя продержался, – возбуждённо захихикал дневальный.

– В первой десятке рейтинга, – кивнул капрал. – Когда заваруха началась – меня сразу в авиацию. Они отслеживали, оказывается. Многих соперников в реале встретил, когда в учебке нас гоняли.

– Значит, и у меня шансы есть в операторы пробиться? – с надеждой спросил парнишка.

Котков помрачнел:

– Дурак ты. Это не игрушка, врубаешься? Трупы настоящие.

Дневальный поёжился под взглядом. Сменил тему:

– А у тебя всё в порядке? Ночью кричал, как желтук.

– Тьфу на тебя! – сплюнул Котков. – Чтоб ты сам под «жёлтую» попал!.. Устал просто. Вот и снится всякая хрень.

– Ага, – кивнул боец, – по три вылета в сутки, конечно. Уважаю. И как ты выдержи-
ваешь?

– Каком кверху, – буркнул Сергей и пошёл одеваться.

Про сон ничего не стал рассказывать. Стукнет дневальный популле – отстранят от боевой работы на раз.

* * *

– Опаздываете, товарищ капрал, – хохотнул напарник, – я уже всё пробил, включение через четыре минуты. Небо над целью чистое, ветер боковой двадцать два. Боекомплект полный.

– Что за цель? – спросил Котков, возясь с кофеваркой.

Кофе – одна из привилегий лётного состава. Хотя и сделан из цикория пополам с китайской морской капустой. Но у технической obsługi и такого нет.

– Да так, – пожал плечами напарник, – какие-то дикие. Два часа назад разведчик тепловизором костёр поймал в спорном секторе. Похоже, диверсионная группа. А может, дезертиры.

Котков включил монитор, ввёл пароль, мазнул пальцем по тачпаду для идентификации. Автоматически вводя настройки, спросил:

– Почту не смотрел? Мне есть что-нибудь?

– Ха, я ждал этого вопроса. Давай, танцуй.

Сергей, чувствуя, как пульс заколотил в виски, прохрипел:

– Что там?! От жены?

– Сначала лезгинку, говорю.

Капрал вскочил, уронил кресло:

– Тля, я сейчас на твоих рёбрах станцую!

Подскочил, занёс кулак. Напарник втянул голову в плечи, прикрылся руками, забормотал:

– Серый, успокойся, хреновая шутка. Циркуляр от командира полка, тебе благодарность за сожжённый бронееобъект.

Котков поднял кресло, рухнул бессильно. Вытянул руки, посмотрел – пальцы дрожали. Пробурчал:

– Ты это... Извини. Нервы ни к чёрту. Всё никак этот странный крест из головы не идёт, что я вчера спалил. Может, там госпиталь был?

Напарник удивлённо покрутил головой:

– Ну и чё? Если даже госпиталь. А может, вообще маскировка, а внутри – казарма для пендосов.

Сергей натужно рассмеялся:

– Да, конечно. Так, психую потихоньку. Благодарность эта дурацкая... Ещё и от жены ничего уже месяц.

– Конечно, конечно, – закивал напарник, успокаиваясь, – я же понимаю. По три вылета. Лучше бы отпуск дали, да? У тебя этих благодарностей – солить можно. Да ещё с женой непонятки. Она у тебя в Воронеже?

– В Выборге.

– В Выборге?! Так его же того, накрыли. В новостях же...

– Заткнись! – проревел Котков. – Работаем, тридцать секунд.

Монитор включился, дал картинку. Капрал попробовал управление – дрон слушался отлично. Побежали столбики белых цифр, красных не было – значит, всё в норме.

Наклонил нос беспилотника, погнал вниз. Напарник скороговоркой помогал:

– Доворот вправо шесть, тангаж. Хорошо идёшь. Высота семьсот. Шестьсот. Цель!

Сергей разглядел белое пятно костра в предрассветной мути, бросил машину в пике. Включил инфракрасный канал. Пятно стало насыщеннее, больше, а вокруг – два десятка фигурок. Поймал квадратиком прицела, отдал вербальную команду:

– Пулемёт – длинная! – и нажал на гашетку.

Картинка завибрировала, трассеры понеслись весёлым роем светлячков.

Вывел дрон из пикирования, откинулся в кресле, прикрыл глаза. Почувствовал, как холодная струйка сбежала между лопаток. Прохрипел:

– Ну чего там? Надо второй заход?

Напарник возился с контрольными кадрами непривычно долго. Наконец, прошептал:

– Хрень какая-то. Диверсанты, ага.

Котков выматерился. Включил автопилот. Поднялся, подошёл к контрольному экрану, встал за спиной напарника. Скомандовал:

– Увеличение дай.

– Может, ну его, Серёжа?

– Увеличение! – гаркнул Котков. Наклонился, застучал по клавиатуре. Выпрямился, взгляделся. Замер, чувствуя, как замедляется сердце.

Вокруг разворошенного костра валялись скрюченные фигурки. Кто-то ещё дёргался в агонии. Ни оружия, ни снаряжения. Почему они такие маленькие? Что с масштабом?

– Это... Это дети! Беспризорники, наверное, там же их, в брошенных городах, до фига.

Напарник, холодея, прошептал:

– Ты только не волнуйся, слышь. Ну, бывает. Ошибка.

Сергей выкрикивал что-то бессвязное, бил ногами и кулаками по монитору и пульту, перемалывая пластик в ошмётки, разбивая пальцы в кровь...

* * *

Казаки деловито пыхтели. Не жалели сияющих, начищенных хромачей – били, стараясь попасть в пах или по печени. Довольно гыкали, отдувались. Городовой подошёл, лениво заметил:

– Да хватит, правоверные. Убьёте ещё от усердия.

Урядник снял фуражку с голубым околышем. Вытер с жирного лба пот, кивнул:

– И то правда, служивый. Забирай своего интилихента. А нам пора, намаз скоро.

Казаки, довольно переговариваясь, пошли к автобусу, топча попутно сапогами самодельные плакаты «Миру-мир» с наивными голубями.

Городовой покачал головой, сплюнул. Сказал десятнику:

– Им развлечение, а нам этих полудохлых таскать. Здоровые все бугаи, на фронте свою удаль показывали бы.

Десятник почесал в затылке:

– Ага, на фронте. Казаков и тут неплохо кормят. Да и нас с тобой тоже.

Ногой перевернул скрюченное тело, посмотрел в разбитое лицо.

– Дышит ещё, вроде.

Поднёс сканнер, пнул лежащего:

– Ну ты, пацифист херов, сетчатку покажи.

Парнишка застонал, открыл полные ужаса глаза. Прибор запиликал, выдал:

– Денис Волконский, студент третьего курса Академии Процветания, активист движения «Нет войне». Второе задержание! Внимание, второе задержание!

Городовой присвистнул:

– Всё, доигрался, придурок. В Трудармию, будешь радиоактивные трупы собирать, печень через месяц выблюешь.

– Не, – возразил десятник, – туда девок. У этого руки-ноги есть, в пехоту пойдёт.

– Как так? У него же это, принципы. «Не убий» и всё такое прочее.

– Да кто его спрашивать будет, перхоть подзалупную! – хохотнул десятник. – Давай, за руки – за ноги, и потащили.

* * *

Загремели ключи, скрипнула зарешёченная дверь. Сергей Котков поднялся, сел на нарах.

Популла Отдельного беспилотного ударного полка батюшка Ибрагим перекрестил нарушителя, присел рядом, вкрадчиво заговорил:

– Покаялся бы ты, сын мой. Во имя Отца и Пророков его. Все под Богом ходим, у всех нервы. Ну, бывают и в нашем деле ошибки. Да и неизвестно, чьи эти чертенята были. Может, они того, на пендосов работали, а? Шпионили там или мины ставили. Или, того хуже, из отрицалова? Никому сие не известно, кроме Всевышнего.

Котков сжал кулаки:

– Как вы можете, батюшка? Дети погибли. Я виновен, и нет мне прощения.

– Это не тебе решать, Сергей. Только на небесах наши грехи взвешиваются, и исключительно Господу прощать провинности наши. А ты казённое оборудование разбил, за него валютой плачено. Челюсть офицеру сломал, а несть бо власти, еще не от Бога! Теперь что? Отстранят от полётов, знамо дело, понизят до рядового. Походишь дневальным полгодика, а там – обратно в операторы. А, Котков?

Сергей передёрнул плечами:

– Нет. Я больше за пульт не сяду.

– Ну, как знаешь.

Отец Ибрагим, нахмурившись, пошёл к двери. Котков окликнул:

– А со мной что теперь? Трибунал? Расстрел?

– Не время нам своих расстреливать, война мировая злобствует. В пехоту пойдёшь, кровью отказничество искупать.

Хлопнула дверь, закрываясь.

Сергей очнулся, вскочил, забарабанил по железу:

– Не хочу! Что в авиации, что в пехоте. Убивать больше – не хочу!

* * *

Неофитов загоняли в бункер пинками. Сергей протянул конвоиру перетянутые наручниками из тонкого белого пластика кисти:

– Сними! Видишь, посинели уже. И в уборную выведи, а то обмочусь, вонять буду.

– Да хоть обосрись, – хмыкнул вертухай. – Пока процедуру не пройдёшь – не положено. А то я вас, штрафных, знаю. Как руки свободные – так вы кидаться начинаете.

Здоровяк в белом халате ловко прижал никелированное устройство к горлу. Пшикнул воздух, Котков дёрнулся от боли.

– Но, башкой не мотай, как мерин от слепней. Тебе вставлен чип контроля, усёк? Управление – с офицерских браслетов. Минимальный уровень воздействия – болевой шок. Второй уровень – остановка дыхательного центра и смерть. Если командир включил режим «отара», то удаление от него на километр автоматически вызывает включение второго уровня. И не вздумай выковыривать: повредишь оболочку – смерть. Если раньше сам себе артерию не перережешь. Втыкаешь, салага?

– Понял, – прохрипел Котков, потирая связанными руками саднящую шею.

– Да ни хрена ты не понял. Смотри, врубаю половину от минимального уровня.

Бугай нажал на кнопку браслета. Будто кувалдой по голове. Сергей катался по полу, чувствуя, что каждый нерв, даже самый крошечный, попал под бензопилу, плазменную горелку и концентрированную кислоту одновременно.

– Вот, теперь понял, – довольно кивнул живодёр. – Добро пожаловать в пехоту, мясо. Следующий!

В зал набили плотно. Новички после процедуры тёрли освобождёнными руками лица, у многих текли слёзы.

– Головные уборы снять!

На возвышении появился бородатый дядька в чёрной сутане с наперсным крестом защитного цвета. Голову украшала белая чалма совершившего хадж.

– Здравствуйте, дети мои! Ну? Не слышу ответа.

– Здравия желаем, – нестройно загудели новообращённые.

Дядька недовольно покачал головой:

– Как стадо оскотлённых баранов, прости господи. Ладно, сержанты вас погоняют, чтобы от зубов отлетало. Я – поп-мулла Семнадцатой, ордена Александра Невского, пехотной бригады имени хана Батыея, отец Сулейман. Буду вас духовно окормлять, благословлять на подвиги ратные. Ну, и соборовать раненых да отпевать, коли придётся. Гордитесь, вы попали в славную боевую часть. Восьмой состав уже, коли считать с начала войны.

– А где предыдущие семь, батюшка? – раздался наивный голос.

Сержант двинул спрашивающего в ухо, зашипел:

– Ну ты, идиот. На небесах, с гуриями развлекаются, где же ещё?

Популла согласился:

– Да, сын мой, наши герои-молодцы наслаждаются в раю. Чего и вам желаю, пехотинцы. Мы покрыли себя неувядаемой славой в боях за Смоленск, участвовали в отражении Таймырского десанта. Много там ребят полегло, а ещё больше – помёрзло. Брали Варшаву. Там и под «жёлтую отраву» угораздило, не повезло мальчишкам, эх!

Сергей помрачнел. «Жёлтой отравой» называли аэрозольный токсин, поражающий центральную нервную систему. Пострадавший становился абсолютным инвалидом, не способным даже самостоятельно надеть штаны. Забывались все приобретённые навыки и умения, взрослый человек превращался в грудного младенца – и, таким образом, становился тяжкой обузой для страны. Ко всему добавлялись приступы чудовищных болей, снимаемых только лошадиной дозой сильного наркотика. Смерть точно лучше.

Полный грустных дум, вполглаза смотрел кинохронику: на стереоэкране бойцы в тяжёлой химзащите бежали в атаку; позировали на фоне подбитых вражеских аватаров; зачищали города, расстреливая у стены гражданских.

Популла заканчивал речь словами:

– Некоторые ошибочно считают, что пехота – это безнадежно устаревший род войск. Ненужный, когда есть космическая авиация, беспилотные дроны и роботы-аватары. Это не так, дети мои! Пока пехотинец не ступил на землю врага, очищая и освящая её своей пролитой кровью, таковая земля считается чужой! Смерть пендосам и ваххабитам! Гибель сгнившей западной цивилизации и свихнувшимся искажителям истинного ислама! Да живёт вовеки Святая Правоверная Русь! К молитве!

Нестройные ряды сломались, грохнули коленями на затоптанный пол. Батюшка затаился:

– Велик Бог! Во имя Отца, и пророков его Иисуса и Магомета...

После службы вперёд вышел полковник, тихо гудя сервоприводами протезов. Неестественно розовая, как у новорождённого, реплицированная кожа лица блестела от пота. Оглядел собрание, заорал:

– Встать! Смирно! Добро пожаловать в пехоту, животные. Выходи строиться.

* * *

Капрал доброжелательно улыбался строю из дюжины новичков.

– Я – Рамиль Батыров, вторая рота. Буду вас готовить по ускоренной программе. Переформирование бригады заканчивается, скоро в бой, времени в обрез. Поэтому к учёбе приступим немедленно. Вот ты, боец, – капрал ткнул в грудь Коткова, – назови характеристики автомата «АК – двенадцать» и при этом подпрыгивай на одной ножке.

Сергей выполнил команду без удивления – в учебке операторов дронов ещё не такое вытворяли.

Батыров подошёл к штрафнику – пацифисту из Питера, приказал:

– Перечисли имена двенадцати апостолов. И штаны снимай.

Волконский выпучил глаза:

– А штаны зачем?

Рамиль, не переставая улыбаться, без замаха врезал в солнечное сплетение, добавил локтем по шее. Объяснял корчившемуся на земле Денису:

– Во-первых, зародыш, когда со мной говоришь, добавляй «товарищ капрал». Во-вторых, команды надо выполнять, не рассуждая. Думать за вас будут офицеры, на то у них крепости на погонах. Любой, кто начинает размышлять в бою вместо того, чтобы действовать, смертельно подводит своих братьев. Всем ясно, убоюдки?

– Так точно, товарищ капрал! – браво ответил строй.

Батыров счастливо скалился.

* * *

Через неделю от дюжины осталось восемь. Один сломал ногу на полосе препятствий, второй снял без команды противогаз в палатке проверки химзащиты и умер от отёка лёгких. Прежневер из Гатчины отказался совершать намаз, его забили берцами сержанты. Четвёртый не стал падать в грязь по команде ротного «воздух». Капитан, больше не говоря ни слова, нажал кнопку на браслете. Парень умирал мучительно, выпучив глаза и разевая рот, подобно выброшенной на берег рыбе.

Больше всех доставалось Денису – студент первым сдыхал на марш-броске, мазал на стрельбище, постоянно опаздывал в строй. Из-за него наказывали всё отделение, и к полученным от сержантов дневных кровоподтёков добавлялись синяки от товарищей после отбоя.

Сергей, наоборот, старался отличиться. И когда ротный похвалил его перед строем за сбитый первой ракетой макет аватара, наконец решился.

Вечером постучался разбитыми на занятии по рукопашке пальцами в дверь канцелярии:

– Разрешите, товарищ капитан?

– Валяй.

Расхристанный ротный сидел за столом перед бутылкой с мутной жидкостью и тарелкой с порезанными луковичами. Котков, стараясь не глядеть на искорёженную грудную клетку офицера с внешними карбоновыми рёбрами, пробормотал:

– Разрешите обратиться.

Капитан Бондарь неправильно понял бегущий взгляд штрафника, ухмыльнулся:

– Что, Кот, смотреть противно? Не ссы, у меня от батальонного батюшки разрешение на алкоголь. Яко есть лекарство! Да и аллах не одобряет вино виноградное, а это – бимбер из томатной пасты. Дерьмо страшное, не пью, а страдаю. Ну, чего тебе?

Сергей сбивчиво объяснил про жену.

– Два месяца уже в неизвестности. Я понимаю, что рядовым запрещен допуск к личной почте. Но бывают же исключения?

Бондарь нахмурился.

– Выборг накрыли, Кот. Разбомбили крылатками и какой-то дряни навалили биологической. Там карантин, блокпосты на дорогах. Гражданские выжившие наверняка есть, но их отстреливают при попытках выхода. Война, боец, штука жестокая.

Сергей почувствовал, как начинает жечь в груди. С трудом проглотил комок, прохрипел:

– Мне только ящик личный глянуть. Вдруг жена и дочка спаслись, в фильтрационном лагере каком-нибудь? Я рапорт написал, прошу вашей резолюции, потом сам в штаб пойду.

Котков протянул лист тонкого пластика. Ротный взял, смял, не глядя, бросил в мусорку.

– Дурак ты, Кот! Кто же штрафному чего-нибудь даст? Разве что трендюлей.

Пододвинул к себе планшет, что-то набрал.

– Адрес свой диктуй, боец. Не так быстро. На, смотри.

Сергей, не веря своему счастью, дрожащими пальцами набрал пароль. Пусто.

– Спасибо, товарищ капитан. Разрешите идти?

– Толай.

Котков дошёл до двери, взялся за ручку. Повернулся:

– А можно будет попробовать ещё раз? Через недельку?

Бондарь хмыкнул. Жажнул полстакана, захрустел луком.

– Надежда – она такая, да. Умирает последней. Только херовая поговорка. Мою жену Надеждой звали, от Эбола умерла пять лет назад, задолго до нынешней заварухи. Я тогда на казахской границе осколок в брюхо получил, в госпитале валялся. Глаза после наркоза открыл, а тут – нежданчик. Официальное письмо с соболезнованиями. На хрена мне соболезнования? Мне жена нужна. Всё, Кот, иди отсюда, душу разбередил. Через три дня уходим на боевые, понял? Так что не получится ещё раз.

* * *

Пустоболы-блогеры поломали клавиатуры, споря о том, когда именно череда бесконечных конфликтов и гибридных войн вылилась в настоящую Третью мировую. Версий были десятки, однако точка отсчёта размазалась в кровавое пятно по времени и пространству. Провозглашение Марсельского халифата, взятие недисциплинированными толпами ИГИЛ Мекки, пойманный во время жестокого подавления китайцами уйгурского восстания принц-саудит на равных соперничали с взрывом Израильского ядерного центра и тараном русской подлодкой американского фрегата на рейде Сан-Франциско. Кто-то называл последней каплей вырезанное германское посольство в Минске, кто-то – бунт политзаключенных в Уральском спецрайоне, кто-то – публичное обрезание, сделанное Папе Римскому.

Линии многочисленных фронтов быстро распались на отдельные язвы районов боевых действий. Эпидемии, голод и бунты сваливали правительства, все уже запутались в каше самопровозглашённых государств-однодневок. Штаты одним махом снесли русско-китайскую спутниковую группировку, оставив восточных без разведки и связи. Ответный ядерный удар растерял девять десятых зарядов на внешнем контуре космической обороны, но и долетевших ракет хватило, чтобы превратить побережье от Бостона до Вашингтона в сплавленную стекловидную массу. Мексиканцы вернули Техас и потеряли Юкатан. Естественным образом исчезло гуманитарное большинство в Конгрессе, запрещать применение атомного оружия стало некому – Пекин и Москва остались лишь в воспоминаниях.

Все воевали со всеми.

И уже не понимали, ради чего.

* * *

«Коробочки» оставили километров за десять, как и приданный танковый взвод. Ближе к линии фронта технику подводить смысла нет – пожгут враз, не дронами, так противотанковыми ракетами. Улыбчивый Рамиль вылезал из «брони» последним: проверил, чтобы ничего не забыли. Нагрузились, как верблюды – боеприпасы, сухпай, тяжёлые ракетомёты, аппаратура разведки. Кряхтя, пошли по разбитой в хлам дороге. Потом – по страшному, выгоревшему лесу. Чёрные обугленные стволы, ни листочка, ни травинки. Один мокрый от дождя пепел, налипавший на берцы пудовыми ошмётками.

Кладбище деревьев кончилось, впереди было только развороченное воронками, мёртвое поле. Останки «брони» ржавели под свинцовым небом. Далеко на севере скрывались в болезненном тумане развалины забывшего своё имя города. Ротный остановил разрозненную, пылящую от тяжкой ноши, колонну. Достал комм, забормотал в динамики:

– Шамиля вызывает Бондарь. Ответь, Шамиль.

Рация захрипела, выплюнула гортанный ответ:

– Э, уася, на связи Шамиль. Чего надо?

– Это смена. Подходим. Как там у вас, тихо?

– Дорогой, гдэ тут тихо? Война, – комм заперхал сдавленным смехом.

Ротный тихо выматерился в сторону. Вайнахи – ребята своеобразные. За неуважительное упоминание виртуальной матушки башку отрежут вполне реально.

– Говорю, мы подошли. Обеспечьте прикрытие. Не хватало ещё, чтобы нас тут перебили всех, пока до вас добираемся.

– На всё воля аллаха, – философски заметил Шамиль и отключился.

Ротный теперь вслух нёс по матери долбанное, перепаханное железом и свинцом, открытое поле, надменных «чичей» и командование бригады в целом. А Третью мировую войну – в частности.

Бойцы забыли на время о тяжелых ящиках на горбу и восхищённо внимали командиру-виртуозу. Ротный сплюнул, прикрикнул:

– Ну, мясо, чего рты раззявили? На карачки – и поползли.

Сержант ахнул:

– Как это – поползли?! Тут километра два, не меньше!

Капитан раздражённо схватил говоруна за ворот, прошипел:

– Бунтовать? Или хочешь в собственном дерьме захлебнуться? Нажать на кнопку?

Сержант захрипел, выпучив глаза:

– Никак нет! Команду понял! По-пластунски, направление – северо-запад.

Грязные до ушей, уставшие смертельно, через три часа падали в траншею. Кашляли до рвоты, отхаркивались набившейся в ноздри и горло вонючей жижей.

Подошёл высокий бородач в прошитом серебристыми нитями камуфляже:

– Э, уася, а чего ползли? Тут уже три дня не стреляют, ха-ха-ха!

Ротный распрямылся, ненавидяще поглядел в глаза. Чеченец спокойно выдержал взгляд:

– Э, брат, так не смотри, да? Тебе вместо огнемёта работать можно. Пошли, позицию примешь.

Рамиль подмигнул новичкам:

– Видали? У него камуфляж «снеговик». Тепловизором с трудом берётся, подавляет инфракрасное излучение. И автомат «бугор», реактивные пули. Не чета нашему старью, эх!

Сергей Котков угрюмо промолчал. Снял берцы, начал выливать из них грязную воду. Кто-то из новобранцев заинтересовался:

– Товарищ капрал, а почему у них такое снаряжение?

– Так легион «Кавказ», элита, – вздохнул Рамиль. – Нам до них, как до Брюсселя раком. Мы же – залётчики, пехота. Одно слово – мясо.

* * *

– Да сейчас тихо, слава Аллаху. Вот неделю назад они аватары запустили, тяжело было. Пока мы всех подорвали – у меня три десятка «двухсотых».

Бородатый достал бутылку, разлил по алюминиевым кружкам. Вытащил ампулу, отломил стеклянный носик:

– Капнуть тебе, капитан?

– Это чего? – недоверчиво спросил Бондарь.

Чеченец гортанно рассмеялся:

– Эй, уася, не бойся, не отравлю. Новейшее противошоковое, отличный марафет. От кубика улетаешь быстрее гиперзвуковой крылатки. Но нам с тобой улетать нельзя, по чуть-чуть.

– Не, я уж по старинке, – поёжился ротный и взял кружку. Глотнул, покрутил головой от удовольствия. – Давно спирт не пил, всё больше дерьмо всякое. Богато живёте.

Шамиль прищурил замаслившиеся глаза, согласился:

– А то! Мы же легион. Так, смотри, – сказал, протягивая обшарпанный планшет, – вот так включаешь мониторинг разведывательных датчиков. Это инфракрасный канал, это радиолокационный. Оставляем вам ещё два тяжёлых миномёта и «мальвину». Мы уходим налегке.

Бондарь поразился:

– А за что такая щедрость? У меня такой аппаратуры разведки в жизни не было, а за «мальвину» особое спасибо. Я её только на картинке видел.

Чеченец внимательно поглядел на капитана. Проговорил медленно, воюя с заплетающимся языком:

– Вижу, ты вояка старый. К «сфинктерам» стучать не побежишь.

– Обижаешь, – хмыкнул Бондарь. – Мне Служба фронтовой контрразведки тоже крови попила. Два раза пытались под трибунал подвести.

– Короче так, русский. Мы сваливаем домой. Ваххабиты Грозный взяли, отбивать будем.

– Как это – домой? – вытаращил глаза ротный. – Кто же вас отпустит?

– Неправильно ставишь вопрос, уася, – хохотнул бородач. – «Кто же нас остановит» – так правильно будет сказать. Весь легион снимается с фронта и уходит. Пока не знаю, как будем горючку по дороге доставать. Говорят, за Тверью вообще бардак, пустыня. Сейчас такие времена, брат, – каждый сам за себя. Вон, татары отделились, границу перекопали. Слышал, уже успели с башкирами и мордвой сцепиться.

Бондарь промолчал. Погладил подаренный планшет, начал водить заскорузлым пальцем. Ахнул:

– Фигня какая-то, тепловизионное сканирование показывает отсутствие людей на позициях противника.

– Ага, мы уже на это покупались. Я увидел, поднял своих, пошли пустые траншеи занимать. Хотел уже дырку под орденку сверлить, – оскалился Шамиль, – а чуть в башку дырку не получил. Мы подошли – они как начали шпарить огнемётами. До сих пор запах горелого мяса помню. Наверное, какие-то хитрые помехи ставят, что их не разглядеть аппаратурой.

Шамиль разлил. Выпили, не чокаясь.

– Ладно, удачи тебе, пехота. И выжить. А мы всё, валим. Не наша эта война.

Капитан посмотрел в спину уходящего бородача в роскошном «снеговике». Пробормотал:

– Можно подумать, что эта война – моя.

* * *

– И сразу за артналётом выдвигайтесь. Танки-то приданные в порядке?

– Чего им будет, они железные, – буркнул ротный. – Звена «журавлей» мало. Надо хотя бы десяток дронов для обработки переднего края. Положу пацанов зазря. Не нравится мне тут, странно как-то, неуютно.

– Так, тля, не курорт. Неуютно ему, ишь ты! Сам же говоришь, что контакта с противником нет. Может, они ушли давно. Чего-то ты кислый, Бондарь. Отставить нытьё и сомнения, выполняй боевую задачу!

Полковник на экране сплюнул и отключился. Бондарь нахмурился, достал сигарету. Хорошо, что не стал рассказывать про то, как две разведгруппы не вернулись, исчезли. И про призрака, которого видела вся рота. Человек в белой одежде, похожей на зимний маскхалат, подошёл к окопам, не обращая внимания на пролетающие сквозь него трассеры. Поглядел в глаза ротному, покачал головой. И растаял в воздухе.

Капитан вышел из блиндажа. Прислушался к тихому разговору дозорных:

– ...лицо словно светилось! Я сразу икону Спасителя вспомнил.

Это сказал Студент, штрафной из Питера. Ему ответил Кот, бывший оператор дрона:

– Да успокойся, глюки это были. Массовая галлюцинация. Америкосы ещё не такое выдумают, у них всякой аппаратуры навалом.

– Не знаю, враги бы чудовищ каких-нибудь изобразили, чтобы нас испугать. А тут какой смысл?

– У войны один смысл – полное его отсутствие.

Капитан гаркнул вполголоса:

– Эй, на бруствере! А ну, заткнулись оба! Ночью ваш трёп за полкилометра слышно.

Докурил, вернулся в блиндаж. Лёг на самодельный топчан, устался в закопчённый потолок. Хмыкнул: хорошо сказал Котков.

У войны один смысл – полное его отсутствие.

* * *

До времени «Ч» оставалось три часа, и случившееся заставило капитана занервничать. Вызвал Батырова:

– Вот, смотри. В развалинах этих, пять километров на север, аппаратура засекла тепловое излучение. – Капитан ткнул пальцем в планшет. – Это здание. Целое, почему-то. Вокруг одни обломки, а оно стоит. И людей показывает, видишь?

Рамиль, скажись, взгляделся в горящие белым нейтральным цветом точки:

– Двое, вроде.

– Да, сейчас двое, а полчаса назад было штук восемь. Наверное, в подвал ушли. Короче, берёшь двух бойцов и шпаришь туда. У нас атака через три часа, а тут на фланге непонятно что. Погляди, словом. И прекрати лыбиться, раздражает.

Капрал растянул рот в ухмылке:

– Есть отставить лыбиться! Возьму Кота и Студента. Разрешите идти?

– А ты ещё здесь, что ли? Бегом давай, боец.

Батыров не уходил, переминался с ноги на ногу.

– Вы это, товарищ капитан. Браслетик-то свой проверьте. Нас отключите, а то на километр отойдём – и кирдык.

Бондарь засмеялся:

– Что, капрал, страшно? Иди с богом. Проверял только что.

Капитан посмотрел вслед Рамилю и задумчиво почесал лоб. Не мог вспомнить, отключал ли от контроля пропавшие разведгруппы.

* * *

– Странно. Красный крест на крыше. Лазарет какой, что ли?

Рамиль опустил визор, обрадовался:

– Сейчас туда придём, а там медсестрички сисястые, спиртяшка, колёса! Закатимся, гульнём, и в жопу эту атаку. Пошли, бойцы. Только тихо, под ноги смотреть. Мало ли, вдруг растяжки... Увидите что-нибудь шевелящееся – стреляйте первыми. Потому что наши все сзади остались, а здесь могут быть только чужие.

– Я не буду стрелять, – тихо сказал Денис.

– Что ты там пискнул, эмбрион?

– Я говорю, что не буду стрелять. Убивать грешно. А убивать всех подряд, не глядя, – ещё и идиотизм.

Рамиль подошёл, улыбаясь. Врезал прикладом в грудь, свалил на землю. Начал с наслаждением пинать, приговаривая:

– Какая радость, у нас тут свой христосик объявился. Сейчас крыс наловим, апостолами назначим и побежим на речку, по воде гулять.

Котков уходил, не оглядываясь, морщась при каждом хеканьи капрала. Приближающееся здание белело кругом с красным крестом внутри. Картина была странной, неприятно знакомой, но Кот не мог вспомнить – откуда.

– Эй, нас подожди! – крикнул за спиной догоняющий Батыров.

За ним плёлся Волконский, размазывая кровь по лицу.

Сергей неохотно убрал палец со спускового крючка, готовый немедленно открыть огонь. В ушах нарастал звон, будто комар пищал, приближаясь, становясь огромным и опасным. Задрал голову, прищурился: со стороны солнца летел дрон.

– Ну чего, авиатор, – спросил капрал, – слабо определить, что за птичка? Наша хоть?

– Делов-то! Китайский «журавль», я таким рулил.

Батыров поднёс к глазам визор, оскалился:

– Ага, наши звёзды вижу. И зелёные треугольники.

– Дай-ка, – Котков выхватил прибор, всмотрелся. – Точно! Это моего полка обозначение. Кто-то из ребят.

– Ну, так помаши старым друзьям ручкой, – рассмеялся капрал, – чтобы не замочили по ошибке. Могут?

– Да легко. Автоответчик «свой – чужой» у ротного, в единственном экземпляре.

Скрипнула дверь, на крыльцо дома с крестом вышла женщина в ярко-голубой куртке, следом высыпали горохом ребятишки.

– О, девка! – обрадовался Рамиль.

– Не стреляй, – с трудом проговорил Сергей. – Это беженцы. Наши.

Он шёл к дому, как во сне, видя только куртку небесного цвета и золотистые волосы женщины. Такую же они вместе купили с первой стипендии жене – блондинке. Перешёл на бег, позвал:

– Таня!

Женщина вздрогнула, повернулась. Потом посмотрела на небо. Ревущий беспилотник перешёл в пикирование. Сергей кричал:

– Уходите! Уходите! Он будет стрелять!

Женщина загоняла детей в дом, самого маленького подхватила на руки.

Ракета, таща за собой дымный след, врезалась в перекрестье мишени на крыше. Взрывная волна ударила Коткова, швырнула на землю. После он поднялся, пошёл к пылающим развалинам, что-то бормоча, кого-то умоляя. Батыров нагнал, сбил с ног – дрон грохотал пулемётом, выбивая весёлые фонтанчики из почвы.

Объёмный взрыв – серьёзная штука. Остались только головёшки.

* * *

Сергей не помнил, как вернулись в расположение. Сидел, опёршись спиной на оплывающую от влаги глинистую стену траншеи, бездумно уставившись на носок грязного берца. Ребята рядом вполголоса переговаривались, звякали снаряжением. Кто-то молился, кто-то добивал оставленную товарищем сигарету.

Бондарь заканчивал ставить задачу командному составу:

– С началом артподготовки выдвигаемся, прижимаемся как можно ближе к огневому валу. Держите интервалы между взводами, через них танки пойдут. Как артиллерия закан-

чивает – сразу идём. Бьём плазмой, и в траншею, штык-ножи чтобы примкнули заранее. Защищаем, закрепляемся. Вопросы есть?

Командиры мрачно сопели, и только два зелёных лейтенанта-взводных, попавших в роту сразу после экстренных курсов, крутили головами и, волнуясь, теребили новенькие планшеты.

– Коли вопросов нет – по подразделениям. Начинаем через пять минут.

Капитан вышел из блиндажа. Напялил потёртый тактический шлем, синхронизировал систему управления, проверил связь. Подошёл к «мальвине».

Огромная, неуклюжая с виду бочка паялилась в небо раструбом ракетной установки. Боевая интеллектуальная система, последняя разработка легендарного Сколково, сама определяла степень опасности для охраняемого подразделения, исходящую от вражеских летящих и бронеобъектов. Сама же и решала, что уничтожить, а что проигнорировать.

Ротный погладил толстый стальной бок, активировал систему. «Мальвина» загудела гидравликой, закрутила приёмными антеннами. Пикантным голосом развратной школьницы сообщила:

– Готова к выполнению задачи. Опасности для роты не наблюдаю.

– Ещё не вечер, будут тебе опасности, – ухмыльнулся Бондарь.

– Подтверждаю: местное время тринадцать часов, ещё не вечер.

Капитан рассмеялся, и тут началось.

Как грубыми пальцами голодный крестьянин ломает краюху, небо порвали на куски ревущие «столбы» тяжёлой залповой системы. Передний край противника исчез в черно-оранжевом хаосе взрывов.

– Пошли, пошли! – выл в комм Бондарь.

Рамиль приподнялся над бруствером, проорал позаимствованный у древних фанатов то ли баскетбола, то ли художественной гимнастики, боевой клич пехоты:

– Кто мы?!

Рота сотней глоток ответила:

– МЯСО!!!

Рванулась из траншеи, побежала по вязкому полю, оскальзываясь.

Бондарь дал изображение на блистер шлема: красные огоньки своих тонкой цепью ползли на запад, к линии окопов. Противника система не распознавала.

– Может, и обойдётся, – прошептал капитан. Залез на бруствер, слыша первую нетерпеливую автоматную очередь – кто-то из его бойцов лупил в стену снарядных разрывов, не видя цели. За ним подхватили и остальные.

– Что за хрень?!

В глаза ротному брызнула россыпь невесть откуда появившихся синих точек в траншеях противника, и тут же его собственная рота окрасилась синим, будто стала вражеской.

Бондарь, матерясь, содрал шлем. Схватил планшет – там была та же картина. На поле боя не было своих – только чужие.

– Чёртовы «чичи», поломанное дерьмо подсунули!

Ротный бросил бесполезный шлем в траншею. Махнул рукой. Командир танкового взвода кивнул, исчез в бронированном нутре. Заревели дизели, пятидесятитонные чудища двинулись, выдыхая солярным выхлопом и прогибая землю. За этим грохотом, смешавшимся с какофонией артподготовки, звено русских дронов появилось в небе беззвучно.

Внезапно оживилась «мальвина». Покрутила головой бронеколпака и капризным тоном сообщила:

– Обнаружена угроза. Три бронеобъекта, три летательных аппарата.

Задрала в небо раструб и с интервалом в секунду выплонула стаю тощих ракет.

Бондарь сначала подумал, что «мальвина» увидела незамеченные им дроны противника, но пылающие сопла ракетных двигателей совершенно недвусмысленно догнали тройку «журавлей». В небе вспухли огненные шары взрывов.

Ротный заорал, начал колошматить по бронеколпаку. Отскочил на метр, высадил в безобразный цилиндр полмагазина – пули высекали бессильные искры, разлетались рикошетами.

«Мальвина», не обращая на истерику Бондаря никакого внимания, опустила трубу на уровень горизонта и выдала очередную порцию. Теперь уже вдогонку уходящему за пехотой танковому взводу. Кормовая броня «коробочек» поддавалась неохотно, и «мальвина» повторила обстрел.

Бондарь перепробовал все способы остановить свихнувшегося робота, наконец сорвал крышку пульта внешнего управления, повернул красный тумблер выключения. «Мальвина» самодовольно сообщила:

– Попытка перехвата контроля противником заблокирована.

Развернула раструб прямо в лицо капитану и констатировала:

– Обнаружен командир вражеского подразделения. Принимаю решение на уничтожение.

Ротный упал на землю – над головой лопнуло, ракета унеслась в сторону сгоревшего леса. Вырвал из разгрузки гранату, засунул под «мальвину», как можно ближе к энергоблоку. Скатился в траншею.

Отряхнул насыпавшуюся с бруствера грязь, вылез. Неохватный цилиндр покосился, ракетная труба грустно разглядывала почву.

– Это ж надо, а? Восстание машин, часть крайняя.

Бондарь пригнулся и побежал догонять роту.

* * *

Рота лежала, прижавшись к ходящей ходуном земле, в сотне метров от линии вражеских окопов. Когда артподготовка кончилась – показалось, что оглохли, настолько стало тихо.

Бондарь поднял голову, прохрипел:

– Плазма, твою мать!

Гранатомётчики отделений подхватились, встали на колени, положив трубы на плечо. Дали залп – в сторону траншеи противника полетели сияющие шары плазменных зарядов, лопнули, растеклись бушующим огнём.

После такого в живых там никого не могло остаться. Цепь поднялась, вдавив до упора спусковые крючки дрожащих от злости автоматов, зарычала:

– Ы-ы-ра!

И тут же вражеский бруствер осветился вспышками ответного огня в упор, полетели гранаты. Пехотинцы падали, крича уже от боли и ужаса, вываливая внутренности в грязь.

Над позицией противника вспухло золотистое облако, выбрасывая струи маслянистого тумана.

Кто-то заорал:

– Жёлтая отравка!

Бежали без всякой команды, оставив раненых, бросая тяжёлые ранцы с боекомплектom.

Скатились в свою траншею, тяжело дыша. Бондарь выматерился, прокричал:

– Командирам отделений – доложить о наличии личного состава!

Потом, выслушав доклады, возился с браслетом, выключая отсутствующих.

– Раненых добиваете, товарищ капитан? – оскалился Батыров.

– Дурак ты, капрал. Я под Волгоградом видел, что с нашими ранеными бывает. Обратную высоту отбили, а там они лежат – с собственными отрезанными причиндалами во рту. Уж лучше я их, чем эти.

Небо раскололось, завывало ответным артиллерийским ударом. Первым же взрывом завалило целое отделение, уцелевшие поползли в блиндажи, забились в щели.

* * *

Скрючившись в позах эмбрионов, вздрагивали вместе с трясущейся от взрывов землёй. Из всех молитв и слов осталось в голове лишь одно – «мамочка».

Потом стало невозможно тихо. Только с шипением из перевернутой взрывом «мальвины» испарялся в небо фреон, расплываясь золотистым облаком.

Сергей с ужасом смотрел на обнажившуюся от сотрясений стенку окопа. Жёлтые кости с застрявшими в них кремниевыми наконечниками стрел соседствовали с ржавыми багинежами наполеоновских времён и дырявыми касками Второй мировой.

Рамиль, отряхивая пласты навалившейся грязи, спросил у Дениса:

– Где твой автомат, чмо?

Волконский поглядел прозрачными глазами и улыбнулся:

– Я не буду стрелять. И ты ничего с этим не поделаешь, капрал. Про это поле писали в апокрифах, это Поле Выбора. Тысячи лет люди пытаются доказать Богу, что он зря дал нам разум. Тысячи лет сжигают, рвут, взрывают себя. Всё это время Бог терпел, верил и ждал. Но чаша уже полна.

Сержант зло проворчал:

– Отстань от убогого, Батыров. Валить надо отсюда бегом.

– Ага, валить. До леса не добежим, браслетик догонит. Будем лежать синие под небом голубым.

– Пошли, – просто сказал сержант.

Выволокли из полуобвалившегося блиндажа капитана. Придавили к земле, навалились на руки, не давая достать пистолет.

– Идиоты, – прохрипел капитан, – попытаетесь содрать браслет – сдохнете.

– А зачем сдирать? – улыбнулся Батыров и ударил саперной лопаткой по руке ротного.

Ротный заревел, как животное. Захлёбываясь, попросил:

– Суки, хоть блокаду вколите мне, садисты.

Рамиль, скалясь, продолжал рубить кость, протирая глаза от фонтанирующей крови. Закончил, снял с отрубленной кисти браслет, аккуратно положил на бруствер. Отошёл, стащил с пояса флягу. Полил в ладонь, плеснул в улыбающееся лицо.

Денис подполз к обмякшему капитану, наложил на обрубок самозатягивающийся жгут. Вытащил аптечку, выбрал нужный шприц-тюбик, вколол ротному прямо сквозь обгоревший камуфляж.

Сержант взвыл, схватил с бруствера браслет, бросил на землю, разбил выстрелом из автомата, добавил каблуком, крича:

– Всё, свобода! Свобода, братцы! Мы не мясо, мы – люди!

Рамиль обернулся. С лица сползла улыбка. Медленно произнёс:

– Что. Ты. Делаешь, придурок? Браслет нельзя разрушать. Чипы срабатывают. При потере сигнала.

Засипел, схватился за горло.

Вторая рота извивалась на дне траншеи, пытаясь втянуть в лёгкие хотя бы молекулу воздуха.

* * *

– Прости меня, родная! Я не знал, что ты в том доме. Я так тосковал по тебе.

Татьяна улыбнулась, тряхнула золотой копной:

– Серёжка, я тебя давно простила. Главное, чтобы ты сам всё понял.

– Но теперь-то мы навсегда вместе?

Жена прикусила розовую губку. Покачала головой:

– Нет, любимый. Не сейчас. Ты ведь ещё не сделал главного.

* * *

Воняющая железом вода текла на лицо. Сергей очнулся, с хрипом втянул воздух в пустые лёгкие. Сел. Глянул на Дениса, спросил:

– Как ты сумел? Как вытащил чип?

– Очень просто, – пожал плечами Студент, завинчивая пробку фляжки. – Ничего я не вынимал. Никакая электроника не сильнее человека. Это ведь мой дыхательный центр. А у тебя – твой.

Повернулся к бледному капитану и продолжил рассказ:

– У Адама и Евы был один сын. Один, а не два. В каждом есть и Каин, и Авель. И кем из них двоих быть, зависит только от тебя самого. Ни твой шлем, ни «мальвина» не ошибались – на этом Поле были исключительно чужие.

Помог Бондарю подняться. Выкарабкались из траншеи. На равнине догорали шесть танков – по три с каждой стороны, словно откопированные.

– Я понял, – просиял Сергей, – все наши враги – в зеркале. Чтобы остановить войну, надо перестать стрелять.

– Да, надо перестать стрелять. В себя, – согласился Денис.

Ободряюще сказал капитану:

– Твой ход, ротный.

Бондарь кивнул. Скинул с плеча автомат. Вытащил и уронил на землю пистолет. Неловко, помогая обрубком, расстегнул разгрузку. Снял с себя обгоревшие лохмотья камуфляжной куртки – блеснули чёрные карбоновые рёбра.

Они шли через Поле. По пропитанной кровью грязи, по костям бесчисленных воинств, мимо рассыпающихся в прах бронзовых колесниц, ржавых «тигров» и обгоревших «абрамов».

Когда до траншеи оставалось метров тридцать, ротный остановился и тихо позвал:

– Я жду тебя, Брат. Я пришёл без оружия.

На бруствер поднялся человек с голой грудью, перечёркнутой чёрными карбоновыми рёбрами. Приветливо махнул обрубком руки и пошёл навстречу.

Январь 2015 г.

Пигалица

– Какого буя?! Зачем мне эта пигалица на борту?

Урмас ревёт, как пробитая дюза. Представьте себе двухметрового викинга с темпераментом кавказца и нервными пальцами скрипача – получится Урмас. Лучший пилот и скандалист Учебной базы.

У девочки слёзы навернулись, розовым носиком хлюпает. Волосики разноцветными перьями торчат.

Петя-навигатор промолвил успокаивающе:

– Не шуми, командир. Дитё напугал. Тебя как зовут, чудесное создание?

– Фаня, – улыбнулась, смагивая влагу с ресниц. – Я специалист по оранжереям.

– Тьфу! – сплюнул Урмас. – Девка в экипаже – к несчастью.

Таня Ли хмыкнула. Короткие чёрные волосы, дипломы планетолога и астрофизика. И светлая голова. Спросила риторически:

– А меня, командир, ты парнем считаешь?

Бортинженер Лёня продолжил невозмутимо ковырять неразлучной отвёрткой сдохший датчик. У него все карманы набиты подобным барахлом.

– Приказ ясный, – резюмировал дежурный. – Отправляйтесь на дальний пост, на «Сторожку». Связи нет давно, разберётесь, отремонтируете. Катер ждёт у третьего люка.

* * *

«Сторожка» – бывший транспортник, приспособленный под станцию наблюдения. Когда-то там сидела дежурная смена, потом коробку законсервировали. Теперь начальству она зачем-то понадобилась.

Метеорит разворотил станцию прилично. Передатчик снесло, от оранжереи одни ошметки, приёмный шлюз – в хлам. Урмас отодвинул растерянного пилота, ласково погладил штурвал. Лихо пришвартовался к аварийному тоннелю.

Поползли по причудливо изогнутой трубе. Фаня два раза застревала, цепляясь непонятно за что и едва не оторвала кислородный шланг.

Лёня печати сковырнул, шкаф управления открыл. Отвёрткой попытался затылок почесать – скафандр мешает. Сердито хрюкнул, полез к контактам, что-то подкрутил – заработало. Первым делом запустили систему жизнеобеспечения.

В рубке «Сторожки» командир стащил шлем, пригладил вспотевшие соломенные вихры, пробасил в комм пилоту:

– Давай, шкипер, возвращайся на базу. Через неделю за нами прилетишь.

Взялись. Работали слаженно – будто не в Учебке познакомились неделю назад, а год вместе на железе. Капитан трудился яростно и другим продыху не давал, словно хотел обиду забыть.

Учебная база «Ганимед» – новейшая. Самых достойных космачей собрали – из торгового флота, из вояк, из ученых. Идёт подготовка к первому в истории межзвёздному полёту на Альфу Центавра, отбор экипажа. Процесс затянулся, Урмас скандал устроил: мол, скажите, кто полетит, а остальных отпустите, чего время терять? В душе надеялся, что его то точно назовут, как лучшего пилота. А начальник базы с бузотёром быстро разобрался – отправил старое корыто чинить.

Всё бы хорошо, но Фаня оказалась ходячим несчастьем. Первым делом нечаянно герметизировала склад с продуктами – перешли на сухари из НЗ.

Отопитель сожгла – Лёня, посмеиваясь, новый собрал из кофеварки и пылесоса.

Посадили дежурить у записывающей аппаратуры – что-то не так нажала, стёрла все данные за пятьдесят лет наблюдения. Петя-навигатор её валерьянкой отпаивал, утешал, пока диск памяти реанимировал.

Таня Ли ей, как родная мама, каждый вечер новые царапины и синяки заживляющим гелем смазывала, успокаивала – только что колыбельную не пела.

Робота-ремонтника Фаня за орбиту Плутона отправила непонятно как. Пришлось самим в открытый космос выходить, по обшивке ползать с инструментами.

– Я её пришибу, – кипятился командир, – пигалицу.

Таня ему говорит:

– Читай «Здоровый климат в космическом экипаже» профессора Е. Гольда. Цитирую: «надо понять и простить».

А потом Фаня в космос улетела. Не закрепила трос. Урмас, чертыхаясь, на реактивном ранце еле догнал. В шлюз приволок и сказал:

– Всё, сейчас запру тебя в кладовке без опасных для жизни предметов и ручонки твои корявые свяжу. А то не доживёшь до катера.

Девчонка разноцветными волосиками тряхнула и говорит солидно:

– Не надо. Вы, капитан Урмас Отт, и ваш экипаж прошли финальный тест на психологическую устойчивость в экстремальных условиях. Полетите на Альфу Центавра.

– Это кто решил? – крикнул капитан.

– Я. Епифания Гольд, доктор психологии и председатель отборочной комиссии. Но для вас согласна и на «пигалицу».

Декабрь 2014 г.

Ветер с залива

Никогда я не стал бы этого писать. До сих пор мне приходилось стучать по клавиатуре только ради боевых отчётов, планов занятий с кадетами или заявок на снабжение. Но генерал из Комитета пропаганды пристал, как пиявка к ноге крестьянки на рисовом поле.

– Вы обязаны, Такеши-сан. Ради этих молодых ребят, которые... Ну, сами понимаете. Кому, как не вам? Другу Ивана Бестужева, создателя первого Купола.

Это, конечно, преувеличение. Соратник – да. А смог ли я стать настоящим другом, я не знаю.

Вот он – смог.

Я воевал всю жизнь. Во время бесконечных гибридных войн и пограничных конфликтов с Восточным альянсом меня здорово помотало по планете. Я падал в горящем коптере на Сингапур и чудом выжил во время неудачного Таймырского десанта – мой плот был последним уцелевшим, когда всплыла подлодка. Я был единственным иностранцем в первом отряде пилотов орбитальных истребителей, который формировало NASA. Мы должны были одним ударом уничтожить всю спутниковую группировку «восточников», лишить их глаз, голоса и ушей.

Теперь-то я понимаю, насколько близко тогда мы подошли к краю. После такого ничто бы уже не предотвратило ответного ядерного удара, и планете пришёл бы конец. Каюк. Закономерный финал человеческой цивилизации. Так что Катастрофа случилась очень вовремя, как дико это не звучит. Нам пришлось забыть о своих взаимных обидах и претензиях, сплотиться против перспективы сдохнуть от удушья, распасться на молекулы, быть сожранными грязно-жёлтой слизью.

Некоторые тупоголовые ипаки утверждают, что нам надо благодарить неведомых Гостей за спасение от гибели в ядерном кошмаре, случайно и очень кстати решившихся на вторжение именно в этот миг истории.

Но меня не проведёшь. Враг всегда нападает в выбранный им момент, всегда тщательно готовит операцию. Они следили за нами. И влезли, когда поняли: ещё немного – и Земля потеряет малейшую ценность, став хранилищем спёкшейся радиоактивной протоплазмы.

Только я до сих пор не понял, радоваться ли этому обстоятельству.

А уж благодарить Гостей за Катастрофу я и не подумаю. «Хрен им в грызло», как говорил Иван.

* * *

Пассажиры инстинктивно старались держаться подальше от иллюминаторов, по которым снаружи ползли желтоватые капли кислотного тумана. Когда заходили на посадку, внезапно на мгновение пробило солнце и осветило город, окружённый по периметру защитной дамбой. Измученные долгим полётом люди увидели невозможную, фантастическую картину – золотые купола соборов, тонкий шпиль Петропавловки, сияющий подобно пронзающей враждебное небо шпаге.

При приземлении задняя стойка шасси подломилась. Чёртов туман жрёт самую прочную сталь, техника не выдерживает. Обошлось без жертв, но страху натерпелись.

Комиссия, одетая в тяжёлую камуфлированную защиту из старых военных запасов и в противогазы, выбралась на изъеденный бетон посадочной площадки. Её встречали люди в легких накидках и прозрачных шлемах, и от этой картины становилось не по себе.

Провели через тамбур с омывающими струями. Гости, наконец, стащили плотные балахоны, сняли с красных потных лиц резиновые маски.

– Артур Свенссон, ЮНЕСКО, – кивнул глава делегации.

Крепкий небритый брюнет протянул руку:

– Манукян, городской голова. Самоназначенный, естественно. Прошлая власть сбежала два года назад.

Такеши Мицуоко пригляделся к татуировке на тыльной стороне ладони брюнета – летучая мышь на фоне земного шара. Заметил:

– Видел я такую птичку. В тридцать втором году, когда на Филиппинах диверсанта ловили.

– Ну и как, поймали? – поинтересовался мэр.

– Тело обнаружили на третий день. Когда нефтехранилища уже сгорели дотла, и весь седьмой флот США остался без оперативного запаса топлива.

– Уверен, что ветераны лучше поймут друг друга, даже если воевали по разные стороны, – миролюбиво заметил Манукян.

– От меня ничего не зависит, – хмыкнул Такеши, – я только отвечаю за безопасность делегации. Пираты, бродяги и прочие опасные элементы. Полковник «голубых касок», к вашим услугам.

– Господа, приступим к делу, – прервал разговор Свенссон. – Итак, мы приехали, чтобы выбрать несколько архитектурных объектов, подлежащих полному сканированию. К сожалению, ваш город обречён разделить судьбу тысяч уже потерянных. Мы обязаны сохранить хотя бы цифровые копии уникальных исторических сооружений. Потом, в достаточно удалённом от океанов безопасном районе, они будут восстановлены. Пока что рассматривается площадка в Гималаях. Естественно, возродим не в камне. Реконструкция с использованием новейшей технологии – принтера Бестужева.

Русские заулыбались. Мэр положил руку на плечо худощавого парня:

– Кстати, познакомьтесь. Иван Бестужев, глава нашей научно-технической службы, создатель одноименного суперпринтера и других интересных штук. Например, защитного материала силумата. Песок плюс атмосферный азот, минимум энергии – и имеем лёгкую прозрачную плёнку, очень прочную и полностью устойчивую к кислоте. Все значимые здания в Петербурге укрыты такой, и наша персональная защита – из неё.

– Так вот почему у вас купола до сих пор с позолотой! – восхитился Свенссон. – Очень хорошая новость. Пожалуй, первая хорошая с начала Катастрофы.

* * *

Метеорит засекли и наши, и восточники. Он вытворял невероятное: резко менял траекторию, обошёл по спирали всю планету и врезался в центр Антарктиды. Шла война, мировые агентства больше уделяли внимания событиям на Каспийском фронте, чем странному космическому объекту. Только австралийцы смогли отправить экспедицию к месту падения. Они и погибли первыми, сваренные заживо.

Реакция шла стремительно: многокилометровая толща льда раскалялась и миллиардами кубометров кипятка обрушивалась в океан. Вzbесившаяся от таких событий атмосфера Земли отреагировала чудовищными ураганами, тайфунами и цунами. Первый удар приняли разрушенные до основания Буэнос-Айрес, Сидней, Мельбурн.

Разбухший от талой воды океан наступал на побережье, затопляя города. Война сошла на нет, человечеству стало не до дележа суши, площадь которой стремительно сокращалась. Вокруг Нью-Йорка, Лондона, Санкт-Петербурга строили защитные дамбы – максимальный подъём уровня мирового океана мог достичь шестидесяти метров.

Но это было только начало.

Первыми жертвами «слизи» стали японские китобои, которые, несмотря на грандиозные бури южного полушария, продолжали промысел. Последняя радиোগрамма напоминала бред сходящего с ума:

– Выедает глаза, лёгкие кусками вылетают при кашле. Океан жрёт металл корабля...

Покрывающий воду многометровый слой живого студня состоял из микроорганизмов, не имеющих аналогов на Земле. Огнемёты, химикаты – всё было бессильно. Бескрайний ковёр слизи быстро затягивал бреши от авиабомб и ядерных ударов. Он тянул из воздуха кислород и гнал взамен ядовитый хлор, выработанный из морской воды. Океан умер: рыбы тоже должны дышать. Слизь начала проникать через проливы во внутренние моря. В атмосферу попадали миллионы тонн соляной кислоты; дожди теперь приносили ожоги, тотальную гибель растительности, смерть и разрушения.

Хаос, паника, бегущие в горы правительства, мёртвые поля и разъеденная язвами кожа умирающих от удушья.

И жалкие попытки возродившейся ООН спасти обрывки человеческой цивилизации.

* * *

Коптер стоял на крыше Лахта-центра, подрагивая от вольно гуляющего на четырёхсотметровой высоте ветра. Зато здесь нет едкого хлора, и можно было снять опостылевшие маски.

Иван повернулся спиной к заливу, чтобы не видеть отвратительную жёлто-зелёную поверхность, дымящую кислотным туманом и грызущую защитную дамбу. Внимательно слушал рассказ Такеши:

– Скорость урагана была под двести узлов, фатальные разрушения. А потом пришло цунами. Уцелевших собирали в лагеря на склонах Фудзи, после вывозили вглубь континента, в Гоби. Моей Японии больше нет. И вам тоже придётся уйти, если не хотите выхаркать лёгкие.

– Куда уйти? – скривился Бестужев. – В воде Байкала обнаружены споры слизи. Она, оказывается, не только океан уничтожила. Скоро все внутренние водоёмы будут отравлены. И слой тяжёлого хлора только растёт, выдавливая нормальный воздух в верхние слои атмосферы.

– Ну, полным ходом идёт эвакуация на Луну, на Марсе строятся базы. Конечно, спасутся немногие.

– Это – капитуляция, Такеши-сан.

– Да, – согласился японец, – капитуляция. Битва за Землю проиграна. А что мы можем сделать?

Иван потёр лицо в красных точках ожогов. Тихо заговорил:

– Свенссон сказал, что время и ресурсы ограничены. Отсканировать смогут только единственный объект – Исаакий, Казанский или Спаса-на-Крови. Ни один петербуржец никогда не сможет сделать выбор между ними. Это словно тебе предложат выбрать, кого убить – твою мать или твоего ребёнка. А потом собор-счастливчик напечатают из пластика на суперпринтере в натуральную величину где-нибудь под Лхасой или в Море Спокойствия. Бред.

– Выбирать всё равно придётся, – пожал плечами Такеши. – Знаешь, из двух зол...

– Послушай меня, – перебил обычно вежливый Иван. Ноздри его раздувались, ветер трепал слипшиеся волосы. – Этот город никогда не капитулировал. Ни перед кем. И сейчас не сдастся. Мы будем строить Купол. Каркас из легких металлоконструкций и силуматовая плёнка.

– Конструкции сожрёт кислотная коррозия, и времени у вас практически нет, – возразил Такеши. – Дамба вся в дырах, скоро в город хлынет слизь. Надо не в красивую позу вставать, а спасаться.

Бестужев резко встал, просипел зло:

– Металл и дамбу защитим силуматовой пеной, у меня есть идеи на этот счёт. И я лучше сдохну здесь, сражаясь за Питер, чем буду с лунной станции тоскливо наблюдать, как голубая планета становится жёлтой.

Такеши помолчал. Тоже встал, протянул руку:

– Я с вами. Бери в экипаж.

* * *

Начальство, кажется, подмахнуло рапорт, даже не прочитав. Так что полиция ООН справилась без меня, стреляя в обезумевшие толпы у терминалов космодромов.

Мы работали по двадцать часов, без смены. Спали вповалку, не снимая защиты, прямо на рабочих местах. Противогазы уже стали бесполезными, и приходилось пахать, дыша кислородом из баллонов.

Когда тонкие металлические спицы перекрестили небо над городом и загудели генераторы плёнки, установленные на полукилометровой высоте, я опрометчиво сказал:

– А я не верил тебе, Иван. Победа близка.

Бестужев мрачно посмотрел на меня:

– Это только начало, самурай. Слизь – всего лишь почва. А цветочки и ягодки впереди.

Он тогда уже всё понял, этот постаревший на сто лет русский гений с воспалёнными от усталости глазами. Идёт подготовка к вторжению на планету. И Гости, естественно, дышат хлором, а не кислородом. А раствор соляной кислоты заменяет им воду. Когда условия станут для них комфортными – они непременно появятся. Может, через сто лет.

Может, завтра.

И мы должны быть готовыми.

* * *

Видимо, катера на воздушной подушке они достали на какой-нибудь брошенной военной базе – иначе добраться до города по сплошному морю колыхающейся слизи было невозможно. Неизвестно, что было их целью. Наверное, запасы консервов. Или сокровища Эрмитажа.

Они замешкались, забрасывая штурмовые тросы на верхний край дамбы, и это дало драгоценные минуты: успела подъехать дежурная десятка ополченцев.

По странному совпадению, именно на этом участке забарахлил генератор защитной пены, Бестужев возился там с ремонтниками уже с утра. А с ним – его постоянный спутник в последние месяцы, японец.

От десятки осталось меньше половины, так что брошенных «калашниковых» хватало. Первую волну пиратского десанта сбросили в слизь, но потом с катера заработал крупнокалиберный пулемёт...

Такеши успел снять пулемётчика, хотя пятидесятиграммовая пуля уже разнесла кислородный баллон японца, и осколок рассёк шею. Бетонная крошка порвала силуматовую плёнку защиты...

А минуту спустя над дамбой появились боевые коптеры питерцев и разнесли пиратов в хлам.

Врачи медицинской бригады с трудом отцепили пальцы Бестужева, пережавшие разорванную артерию японца. Кожа сползала с мёртвого лица Ивана клочьями.

Он надел свою защитную маску с кислородным клапаном на потерявшего сознание Такеши.

* * *

Как-то Иван сказал мне:

– Знаешь, самурай, чего мне не хватает уже много лет? И так же не будет хватать, когда мы закончим с Куполом? Питерской мороси. Этой штуки, когда капельки воды висят в воздухе и целуют в лицо. Они не воняют хлором, а пахнут морем. Ещё тем морем – настоящим.

Может, поэтому он и взял меня, чужака, в экипаж, упрямый технарь-рационалист. У самураев тоже когда-то наравне с умением владеть мечом ценилось искусство стихосложения и живописи.

Мы продолжаем работать по двадцать часов без смены. Здесь, на Луне, мы строим боевые корабли и готовим экипажи. Когда придут Гости – у нас будет, чем организовать торжественную встречу.

Завтра у моих кадетов – посвящение в офицеры Боевого Флота. Мы отправимся шаттлом на Землю. Планету, где миллионы спасённых живут под сотнями Куполов Бестужева. Мы полетим в Санкт-Петербург, и кортики моим свежееиспечённым лейтенантам будут вручать на площади имени Ивана Бестужева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.